

Нельзя не заметить некоторых полиграфических погрешностей: вторая часть переименована в третью (с. 71), на с. 43 (2-й абз. сверху) пропуск отрицания *не* резко снижает смысл, в конце с. 37 пропущена целая строка, разный кегель буквенных индексов список затрудняет понимание текста на с. 15—16 с., есть опечатки на с. 12, 49, 55, 74 и т. д.

Однако в целом монография производит очень благоприятное впечатление. Книга снабжена обширным ссылочным аппаратом, довольно полно учитывающим сделанное по разговорной речи как в советском, так и в зарубежном языковедении. По узловым вопросам проведена полемика, в дискуссии с представителями иных взглядов обоснованы принятые точки зрения.

Многие из описанных типических черт русской разговорной речи «свойственны другим языкам и могут рассматриваться как универсальные. Данная книга открывает широкие горизонты типологических исследований с использованием богатейших фактических данных и важных теоретических положений. Привлечен колоссальный новый интереснейший материал магнитофонных и ручных записей естественной неподготовленной обиходной речи.

Исключительно велико значение обсуждаемой монографии для иностранных специалистов, изучающих русский язык. Зарубежные ученые, занимающиеся русистикой в основном с использованием литературных источников, получают цен-

ное подспорье по живой речи. Упор на речетворчество в разговорном языке обратит их внимание на то, что нередко ускользает из поля зрения даже тех лингвистов, для которых анализируемый язык является родным, а именно на неповторимые неузуальные образования. Именно с помощью этой книги преподаватель-практик иностранного языка сможет с большей осмотрительностью решать проблему деления лексики и грамматики на активную и пассивную и проводить профилактику методических ошибок, возникающих на почве диспропорции материала.

Обсуждаемая книга — заметное явление в лингвистике. Актуальностью постановки вопросов она не оставляет читателя равнодушным, она обогащает, будит мысль, дает богатую почву для сопоставления и нахождения параллелей в разных областях. «Русская разговорная речь» — серьезный вклад в теорию отечественного языковедения, который будет иметь резонанс в самых широких кругах языковедов.

Дескин В. Д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская разговорная речь. М., 1973.
2. Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978.
3. Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. М.: Русский язык, 1980. 320 с.

Рецензируемая книга — плод многолетних размышлений и размышлений известных лингвистов и педагогов — Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. Отдельные положения книги знакомы читателям по предшествующим трудам этих авторов, а также по ряду статей и докладов. Вместе с тем в рецензируемой книге отражены дальнейшие лингвистические и лингводидактические поиски и находки авторов. Впервые целостная лингвострановедческая теория слова представлена здесь в монографическом изложении, что принципиально важно как для существа излагаемой концепции слова, так и для обоснования этой концепции, для определения перспектив ее разработки, для распространения ее идей на новые сферы исследования.

В центре внимания авторов — исследование гносеологической функции языка, в частности один ее план — накопительная (кумулятивная) функция слова, которое «вмещает в себя и хранит знания о действительности» (с. 7).

Семантическая концепция, изложенная в рецензируемой книге, явилась результатом дальнейшей разработки идеи «слово как хранящее человеческое опыта, возникшей еще в античные времена и развиваемой на протяжении столетий мно-

Лингвострановедческая теория слова. —

гими философами, социологами и лингвистами. Авторы привлекают, однако, не выдвижение этой общей глобальной идеи, а описание результатов конкретного анализа того, «как именно слово становится средоточием собираемой информации, вмещением знаний и какова роль, практическая польза кумулятивной функции слова для прикладных задач» (с. 8) — для лингвострановедческого преподавания русского языка, для лексикографической работы, для последующих исследовательских поисков.

Из сказанного ясно, что книга ориентирована — 1) на анализ феномена накопительной природы лексической семантики и разработку своеобразной семантической лингвострановедческой теории слова и 2) на показ лингводидактической значимости этой теории. Именно двойкой целенаправленностью определяется как внешняя, так и внутренняя композиция книги.

Гармоничная по общей композиции, книга состоит из трех частей. В первой части представлено описание и обоснование концепции «слова как вмещающей знания» (с. 192). Концепция названа авторами континентской от латинского *continere*, что значит

«вмещать в себя», а в переносном смысле — «помнить». В этой части авторы вводят семантическую категорию «лексический фон», характеризуют социолингвистическую и лингвистическую природу этой категории, основные ее свойства и значение для речевой деятельности, социолингвистического анализа языка, определения национального своеобразия языка и практики преподавания иностранных языков. Часть вторая посвящена лингвострановедческой лексикографии. Третья часть содержит историко-лингвистические очерки, посвященные отдельным этапам в разработке проблемы слова как «вместилища знаний».

Интересна и внутренняя композиция глав книги: от философско-лингвистического, социолингвистического либо собственно лингвистического описания компонентов (идей) теории авторы идут к описанию практической их значимости и применения, к лингводидактическим выводам и следствиям.

Авторы предлагают многоаспектное и многоплановое освещение лингвострановедческой теории слова. К сожалению, рамки журнальной рецензии позволяют остановиться лишь на отдельных вопросах выдвигаемой концепции (и пересмотра — в свете этой концепции — некоторых традиционных представлений о природе слова и сущности его семантики) и на наиболее значимых, на наш взгляд, в теоретическом, перспективно-теоретическом и прикладном аспектах.

Квалифицируя слово традиционно как двуплановый языковой знак, имеющий план выражения (звуковую оболочку, которую авторы вслед за Н. И. Толстым называют лексемой) и план содержания, авторы имеют план содержания лексическим понятием. Анализируя понятие как инструмент классификации явлений действительности и показывая, что для этой классификации важно учитывать элементы, составные части понятий, являющихся, в свою очередь, тоже понятиями, но понятиями элементарными, авторы называют элементарные понятия (в составе общего для них понятия) семантическими долями (СД), заменив этим составным, частично русским термином традиционные для семантики и не совпадающие по значению термины (сема, семантический компонент, компонент смысла, семантический множитель и др.).

Признавая наличие ассоциативной связи между лексемой и лексическим понятием, авторы говорят об относительной автономности, относительной самостоятельности двух планов слова. В обоснование этого приводятся два факта: ситуация неполного знания слова и наличие межъязыковых лексических понятий. В первом случае возможно узнавание предмета (когда актуализируется понятие) и незнание лексемы (звуковой оболочки), обозначающей этот предмет, либо наоборот: знание лексемы и незнание ее значения. Межъязыковое лексическое понятие — это понятие, которое присутствует в двух или нескольких языках и имеет в них различное звуковое обозначение. Подобные понятийно-эквивалентные (переводимые) слова противопо-

ставлены понятийно-безэквивалентным как по семантике, так и лингводидактически: при эквивалентности «лексические понятия, выработанные в одном языке, легко переносятся в другой язык» (с. 17), усвоения требует только лексема (звуковая оболочка).

Из факта относительной самостоятельности двух планов (звучания и значения) слова и с учетом идеи Л. Выготского делается еще один лингводидактически значимый вывод — о том, что в процессе усвоения слова человеком включаются в действие два различных механизма: прежде всего усваивается лексема — звуковая оболочка слова, отрабатывается ее правильная артикуляция, а параллельно, одновременно с этим формируется лексическое понятие, причем формируется постепенно, «путем постепенного накопления СД»¹ в его содержании. Формирование понятия — процесс длительный, ибо оно «представляет собой познание действительности» (с. 18), и в начале развития лексического понятия в нем может быть только одна семантическая доля. Позднее лексическое понятие «развивается», обогащается семантическими долями, и слово становится, таким образом, «аккумулятором, хранителем человеческого опыта — как индивидуального, так и общего...» (с. 18). Авторы показывают далее, что план содержания слова не исчерпывается лексическим понятием, что план содержания слова (семема) состоит из множества семантических долей, среди которых следует выделять доли понятийные, входящие в лексическое понятие, и доли, составляющие лексический фон (с. 25).

Под лексическим фоном понимаются все (вместе взятые) непонятные семантические доли, которые входят в семантику слова (семему), но «не участвуют в опосредованной языком классифицирующей деятельности человека» (с. 26). Лексический фон — это представления и знания человека о предмете, явлении и т. п. окружающей действительности. Обратимся к пояснению сущности понятия «лексический фон». Например, если перед вами предмет, который можно классифицировать как «произведение печати в виде переплетенных листов бумаги с каким-нибудь текстом» (толкование из «Словаря русского языка» С. И. Ожегова), то этот предмет по-русски называется книгой. Семантические доли, обеспечивающие правильное название предмета или явления, и образуют в их совокупности лексическое понятие.

Однако вокруг каждого слова, особенно центрального, ключевого, складывается целый ореол всевозможных сведений. Носитель языка без особых усилий припоминает крылатые выражения, пословицы и загадки, связанные с книгой: *Любите книгу — источник знания; Ему*

¹ Вследствие этого, по мнению авторов, семантические доли могут существовать вневербально и лишь комбинируются по-разному в семантике слова. К сожалению, авторы не раскрывают природу вневербального хранения семантических долей в сознании носителя языка.

и книги в руки; Уж коли зло пресечь, — забрать все книги бы да сжечь; Книжки имеют свою судьбу; Сшиты, да не рубаши-ка, с листьями, да не дерево, без языка, а рассказывает и др. Цепь ассоциаций напомним нам, что мы знаем, и как издается книга, и где ее можно купить или взять почитать, и как она выглядит, и для чего и когда употребляется, и кем пишется, и где хранится, и кто издал первую русскую книгу и т. д. и т. д.

Слова двух языков (например, книги и англ. book) могут полностью совпадать в понятийной части, однако между ними почти никогда не бывает фоновой эквивалентности, что объясняется различиями в национальных культурах соответствующих народов.

Неполноэквивалентные слова отражают специфику национальной культуры русского народа, многонациональной культуры всего Советского Союза. Следовательно, лексика — а в книге приведен обильный и доказательный фактический материал — в своей фоновой части является вместилищем и хранителем многообразных знаний. Именно поэтому в процессе преподавания русского языка, особенно — преподавания русского языка иностранцам, лексика (при условии соответствующего толкования слов) может быть весьма эффективным источником сведений о стране.

В книге описываются четыре основных способа объективизации (обнаружения и объективного анализа) лексического фона: 1) путем получения сведений от носителей языка — социологический опрос, эксперимент (в частности — ассоциативный); 2) из филологических словарей (где в толковании слов обычно поясняется лексическое понятие, а в иллюстрациях «просвечивает и лексический фон» (с. 31); 3) путем анализа суждений лиц, «попавших в новую для них национально-культурную общность» (с. 35) и, наконец, 4) путем развертывания информации, которая присутствует в скрытом виде в бытовых, публицистических и художественных текстах (с. 38).

Развивая свои прежние идеи и суждения Н. Г. Комлева о «культурном компоненте» значения слова, авторы предлагают лингвистическое, философское и психолингвистическое обоснование принадлежности лексического фона к языку, доказывают языковую природу лексического фона и тем самым обосновывают его принадлежность к сфере ведения лингвистики, особо подчеркивая концептуально значимую мысль о том, что, выполняя основную коммуникативную функцию, язык в то же время «является... хранителем (а также выразителем) культуры» (с. 42), «язык не только передает внеязыковую информацию, но и накапливает ее, а также сохраняет» (с. 42). Об этом свидетельствует и тот факт, что в составе ассоциатов (реакций на определенное слово-стимул), позволяющих судить о знаниях, сопрягаемых с предметом (который обозначен словом-стимулом), имеются и понятийные и фоновые семантические доли.

Именно лексема «мыслится как материальная основа, опора для фиксации

той совокупности знаний, которую некая языковая общность относит к классу предметов или явлений, обозначаемых данным словом» (с. 45). Квалификация звуковой оболочки слова как опоры-основы для выражения совокупности знаний о соответствующем предмете принципиально доказана, справедлива и соответствует, среди прочего, описанной динамике (возможности пополнения в индивидуальном и общественном опыте) понятийного и фонового содержания слова (семемы). Кажется, однако, что следующий вывод авторов требует коррекции или как особая гипотеза — по крайней мере, дополнительного обоснования: «с философских позиций план содержания языка может быть приравнен к тому уровню познания окружающей действительности, который превалирует в данной культурно-языковой общности, т. е., иными словами, к общественному сознанию» (с. 45).

Здесь не совсем ясно значение терминосочетания «план содержания языка». И если учесть, что общественное сознание — явление весьма сложное и многоплановое² и что, по справедливому суждению авторов, ведущим элементом в структуре общественного сознания является идеология, то отсюда следует, что общественное сознание — это и комплекс суждений, дефиниций, текстов, излагающих идеологию, т. е. не только язык, но и тексты. Несомненно, однако, что различные стороны общественного сознания так или иначе (понятийно или фоново) отражены в семантике слов языка. И, думается, авторы совершенно правы, когда в одном из очерков третьей части книги говорят о значимости для хранения информации не только слов, но и текста.

Исходя из принципа историзма, авторы характеризуют динамику лексического фона во времени, убедительно показывая, что лексический фон слова — наиболее динамичная часть его семантики. С течением времени одни фоновые семантические доли «уходят» из семантики слова, другие пополняют ее. Так, в начале XX столетия было невозможно словосочетание *пакет молока*, поскольку слово *пакет*, по определению, данному в толковом словаре С. И. Ожегова, обозначало «бумажный мешок для продуктов, кулек»; в наши дни, наоборот, устарело понятие «четверть» (молока) как мера измерения жидких веществ при продаже. В составе лексического фона авторы предлагают различать синхронические и диахрони-

² Об этом говорят и авторы, приводя в списке следующее определение, взятое из книги «Социология в СССР» (М., 1966, т. 1, с. 15): «Общественное сознание — это совокупность взглядов, представлений, принципов, психологических особенностей, явлений духовной культуры и т. д., характерных для членов общества, его классов, система общественных идей, теорий, отражающих условия материальной жизни данной общественно-экономической формации, т. е. исторически сложившееся общественное бытие».

ческие семантические доли, важные для понимания смысла многих современных слов (например, *большевик*, *комсомолец*, *ударник*, *субботник* и др.).

Наконец, принимая во внимание наличие в составе лексического фона большого числа семантических долей и пытаясь ответить на вопрос о том, возможно ли фоновые семантические доли представить в виде закрытого списка, авторы выделяют в составе фоновых семантических долей — экзотерические (внешние) доли, общие для семантики данного слова и группы связанных с ним слов, и эзотерические (внутренние) семантические доли, приходящие только данному слову.

Внешние семантические доли находятся за пределами семантики конкретного слова. Они «сополагают слово с другими, смежными словами» (с. 120). Таких семантических долей чрезвычайно много, их невозможно исчислить. Внутренние семантические доли могут быть исчислимы, их немного, они «объективируют собственную семантику слова» (с. 126) и весьма ценны в лингвострановедческом отношении. Жаль, что внутренние доли проиллюстрированы в книге лишь единичными примерами. Тем более, что разделение двух последних видов фоновых семантических долей «позволяет получить критерий для отбора материала в учебной семантизации лексики» (с. 126).

Уделяя специальное внимание значению фона для лингвострановедческого преподавания русского языка, авторы рассматривают и зрительный образ как часть лексического фона, различая общечеловеческую и лингвострановедческую семантизацию слов и подчеркивая, что при лингвострановедческой зрительной семантизации слова «наряду с формами усваивается новая культура» (с. 156), благодаря чему «изучаемый язык усваивается более адекватно (в большем числе функций — не только в коммуникативной, но и в кумулятивной)» (с. 156).

В книге справедливо подчеркивается, что лексический фон присущ всей лексике, различным классам слов — в том числе словам заимствованным (при этом появление лексического фона есть, на наш взгляд, один из способов ассимиляции заимствованного слова), и терминологической и ономастической лексике. Ибо и личные имена людей тоже выражают культурно обусловленную групповую и индивидуальную информацию. Например, *Иван* — символизирует типично русского человека, *Матрена* — простую деревенскую женщину, *Митрофанушка* — великовозрастного и глупого лодыря и т. д.

Специальное внимание уделено в книге значимости фоновых СД для сочетаемости слов в потоке речи: по мнению авторов, «сочетание слов в осмысленной фразе обусловлено их лексическими фонами» (с. 50). Лексический фон может разрешить или запретить сочетаемость, поскольку осмысленность сочетания «определяется внеязыковой действительностью, национальной культурой» (с. 51). Думается, что эта идея авторов вносит дополнения в теорию сложения смыслов в речевой синтагматике и заслуживает

перспективных разработок, в том числе — при анализе информативной емкости различных текстов.

Освещение теоретической концепции сочетается (и композиционно даже перемежается) с освещением проблем лингвострановедческого преподавания русского языка в области лексикологии. Показывая, что в семантике слова выделяются личностные и социальные семантические доли, а среди последних — межъязыковые (общечеловеческие и региональные) и национально-культурные, авторы снова (как и в предшествующих трудах) обосновывают необходимость семантизации национально-культурных семантических долей.

Книга вносит вклад и в развитие понятия «лингвострановедческая интерференция» (термин болгарского ученого К. Бабова). В числе многих лингводидактических рекомендаций, адресованных преподавателям и составителям учебников, есть рекомендации по предупреждению потенциальной лингвострановедческой интерференции.

Пафосом второй части книги является указание на необходимость семантизировать русскую лексику в учебных целях особым образом — с помощью приема страноведческого изъяснения, без чего невозможно осмысленное употребление слов. Эта часть посвящена описанию задач лингвострановедческой лексикографии и принципов составления лингвострановедческих словарей. Основной целью этих словарей является «семантизация для современного читателя современных лексических фонов», а отсюда — и обеспечение возможности реализации страноведческого преподавания языка. Лингвострановедческие словари важны прежде всего с профессиональной точки зрения: «для преодоления вербализма, для предупреждения и устранения лингвострановедческой интерференции, для овладения парадигматической и синтагматической сочетаемостью русского слова» (с. 262). Авторы подчеркивают, что лингвострановедческие словари необходимы и для воспитания в процессе обучения: они призваны способствовать становлению человека как развитой личности, реализации целей патристического и интернационального воспитания³.

Авторы характеризуют основные лексикографические принципы лингвострановедческой лексикографии — ныне реализуемые (см. с. 253—262) и три предлагаемых экспериментальных: семантизирующий характер речений и их учебная направленность; учет в словарной статье дозировки материала для каждого этапа овладения языком (от начального до высшего) и целесообразность представления трех этапов чтения словарной статьи в одной книге; учет родного языка при семантизации слова (особенно — его лексического фона).

Третья часть книги — своеобразное

³ См. большой материал на эту тему в недавно выпущенной книге, подготовленной учеными СССР и ГДР, — «Русский язык: предмет изучения и средство воспитания» (Киев — Лейпциг, 1981).

приложение к первой части и дополнительное обоснование выдвинутой континентической концепции — состоит из трех очерков. Здесь рассматривается античное учение о слове — логосе (очерк первый), гумбольдтианство и современная теория лингвистической дополнительнойности (очерк второй) и учение А. А. Потебни о лексической семантике (очерк третий). Историко-лингвистические экскурсы посвящены отдельным, наиболее интересным этапам в «истории формирования и смены философских и лингвистических идей по поводу слова какместилища знания» (с. 267); они убедительно показывают, что разработанная в рецензируемой книге «континентальная концепция не возникла на пустом месте — она является закономерным продолжением и развитием воззрений, высказанных еще в античности и высказываемых в наши дни» (с. 267).

Книга завершается послесловием, в котором, вопреки традиции, обсуждаются не выводы, а перспектива дальнейших исследований семасиологической категории лексического фона, перспективы использования предложенной континентической теории в процессе анализа семантики производных слов (при морфемном и семантическом, метафорическом словообразовании), а также говорится о возможности экстраполяции континентической теории на сферу других языковых единиц — прежде всего фразеологию и афористику.

Рецензируемая работа содержит монографическое описание новой (континентической) теории семантики «слова какместилища знаний». В книге представлена оригинальная и перспективная концеп-

ция слова. И хотя концепция эта нуждается в дальнейшей доработке отдельных ее аспектов (например, в уточнении соотношения лексического понятия и понятия логического, выявлении места эмоционально-экспрессивных коннотаций в лексической семантике и др.), — в книге описана целостная теория, имеющая философско-лингвистическую и собственно лингвистическую значимость, характеризующаяся объяснительной и прогнозирующей силой и представляющая не только теоретический интерес (как обогащающая учение о семантике слова), но и конкретный практический интерес — для перспективных исследований и для совершенствования преподавания русского языка, в частности, для совершенствования лингвострановедческого аспекта преподавания русского языка иностранцам, а в ряде моментов — и для совершенствования преподавания его в национальной школе и вузе.

Хотелось бы только пожелать, чтобы при переиздании книги авторы сделали больший акцент на воспитательных возможностях лингвострановедческого материала.

Отражая теорию, вытекающую из практических задач и ориентированную на практику обучения языку, — книга с интересом будет прочитана и лингвистами широкого профиля, и лексикологами-семасиологами, и преподавателями, обучающими русскому языку не только в условиях иностранной, нерусской аудитории, но и в русской языковой среде.

Протченко И. Ф., Черемисина Н. В.

Reichl K. Categorical grammar and word-formation: The deadjectival abstract noun in English. — Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1982. 254 p.

Рецензируемое исследование представляет собой первую попытку применить принципы категориальной грамматики к анализу словообразовательных явлений, главным образом, к описанию английских абстрактных существительных, образованных от прилагательных. Но, как справедливо отмечает сам автор, лишь на первый взгляд может показаться, что затрагиваемая тема достаточно узка и специализирована. В книге ставится не столько задача описать с должной полнотой морфологические, синтаксические и семантические характеристики деадъективных абстрактных имен, сколько исследовать семантику и функционирование производных существительных изучаемого типа вообще. Можно поэтому сказать, что осуществляя эти задачи, К. Райхль ставит перед собой и гораздо более сложные цели: способствовать лучшему пониманию основ категориальной грамматики, осветить ее истоки, дать представление о развитии всего этого направления в современной лингвистике, сравнить грамматику Монтегю с другими аналогичными логико-синтаксическими построениями, познакомить читателя с техникой и методи-

кой лингвистического анализа в той его форме, которая используется сторонниками так называемой формальной семантики, и т. п.

В книге ясно очерчиваются разные области исследования — область анализа категориальных грамматик в их разных версиях, область анализа теоретических основ словообразования и, наконец, область анализа самих изучаемых имен. В этом смысле каждую из четырех глав книги (а помимо них книга содержит небольшое Предисловие и Заключение) можно рассматривать как до известной степени самостоятельный и отдельный фрагмент исследования по определенной теме.

Сказанное не означает, что книга лишена внутреннего единства или цельности, однако несомненно, что степень связанности отдельных частей неодинакова и что не всё, обсуждающееся в теоретических главах работы, имеет равное значение для описания фактического материала. Перед тем как изложить результаты своих наблюдений над особенностями абстрактных имен (а результаты эти весьма интересны и важны), автор уделяет слишком большое внимание изложению прин-